

УДК 821.111

Е. Е. Рябчикова

**ИНОКУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЫ И ОППОЗИЦИЯ
«ЦИВИЛИЗАЦИЯ – ВАРВАРСТВО»
В РОМАНЕ И. ВО «УПАДОК И РАЗРУШЕНИЕ»**

Роман Ивлины Во «Упадок и разрушение» рассматривается в имагологической перспективе. Выявляются и анализируются этностереотипы, отраженные в образах представителей «чужих» народов и рас. Автор показывает, что систему инокультурных образов романа следует рассматривать во взаимосвязи с гетеростереотипами английской культуры, а также с философско-историческими категориями цивилизации и варварства.

The author examines Evelyn Waugh's novel Decline and Fall from the imagological point of view. The author identifies and analyses ethnic stereotypes reflected in the images of members of 'other' peoples and races. The article stresses that the novel's system of cultural images of 'others' should be analysed in connection with the heterostereotypes of English culture and the philosophic and historical categories of civilization and barbarism.

Ключевые слова: И. Во, «Упадок и разрушение», имагология, инокультурное начало, стереотипы, цивилизация, варварство.

Key words: Waugh, *Decline and Fall*, imagology, otherness, stereotypes, civilization, barbarism.

В начале XXI в. высокую актуальность приобрел имагологический «вектор» компаративистики, определяемый присутствием и значительной ролью инокультурных образов в идейно-философской и аксиологической картине мира писателя. Прежде всего следует назвать работы зарубежных ученых Х. Дизеринка [11] и Дж. Леерссена [12]. В российском литературоведении имагологическая проблематика поднимается в работах последнего десятилетия, в том числе у Вл. А. Лукова [3], Н. П. Михальской [4], А. Р. Ощепкова [5], Е. В. Папиловой [6], О. Ю. Полякова [7], В. А. Хорева [10].

Методологической базой нашего исследования являются работы Дж. Леерссена, который рассматривает инациональные (инокультурные) образы «в историческом контексте конфронтаций различных культур» [8, с. 164] и понимает их как «миметические конструкты, которые в определенной мере соответствуют... общим моделям вне зависимости от конкретной нации или культуры» [8, с. 164]. Благодаря такому подходу можно установить константы и переменные величины различных культур. Дж. Леерссен проводит связь между национальной самоидентификацией и установлением отличий «своего» от «другого», рассматривая категорию национального в аспекте этнотипического:

«Imagologists will have particular interest in the dynamics between those images which characterize the Other (*hetero-images*) and those which characterize one's own, domestic identity (*self-images* or *auto-images*)» [12, p. 27].

Художественное раскрытие общественной роли стереотипов играет существенную роль в идейной концепции романа Ивлина Во «Упадок и разрушение». Роман изображает суть новой, переменчивой и ненадежной эпохи, наступившей после окончания Первой мировой войны. Это время было отмечено кризисными явлениями во многих сферах жизни. Как отмечает И. В. Бердникова [1], мировоззренческой основой ранних романов Во являются труды О. Шпенглера и Дж. Фрейзера. Исследователь подчеркивает, что «дихотомия "культура — цивилизация" О. Шпенглера и оппозиция Дж. Фрейзера "цивилизация — варварство" определяют основную тему творчества И. Во — противостояние культуры и варварства, а также мотив "современного цивилизованного варварства"» [1, с. 189]. Межкультурный компонент — одна из составляющих философско-исторической концепции романа Во. Писатель придает большое значение этническому и расовому факторам общественного сознания. Нередко его персонажи-англичане видят в людях другой народности скрытую угрозу общественным устоям Англии, воспринимают их как персонификацию варварского начала истории. Сам автор критически дистанцируется от такого стереотипизированного мышления героев.

Например, этностереотип валлийца в глазах персонажей-англичан отмечен тенденциозными негативными чертами, позволяющими отождествить представителей этого народа с носителями исторического варварского начала:

Оригинал

— *Good gracious! Who are these extraordinary looking people?*

Ten men of *revolting* appearance were approaching from the drive. They were *low of brow, crafty of eye, and crooked of limb*. They advanced... *with the loping tread of wolves*... they slavered at their mouths, which hung loosely over their receding chins, while each clutched under his *apelike arm* a burden of curious and unaccountable shape.

— '*...Crikey!*' said Philbrick. '*...Loonies!* This is where I shoot!' [13, p. 37]

Перевод (С. Белов, В. Орел)

— Господи, а это что за *чудовищные* создания?

Со стороны аллеи к ним приближалось человек десять *отталкивающей* наружности. Все они были как на подбор *низколобы, косоглазы и кривоноги*. Продвигались они... *волчьей* трусцой... слонявые рты выступали над скошенными подбородками. Каждый из них *по-обезьяньи* прижимал к груди загадочных очертаний предмет.

— *Психи* какие-то, — хмыкнул Филбрик. — Я в таких случаях стреляю без предупреждения! [2, с. 37]

Отгалкивающий образ валлийцев создается преимущественно за счет специфически подобранных прилагательных. Этностереотип представлен семью эмоционально окрашенными определениями, а междометия *Good gracious! Crikey! Loonies!* придают тираде нарастающую смысловую экспрессию. Отметим, что в создаваемом «портрете» валлийца присутствует зооморфный компонент, что подчеркивает не только стереотипность этого образа, но и его предрассудочность. Сравни-

ваемые с волками и обезьяной (*the loping tread of wolves, apeline arm*), валлийцы не воспринимаются как полноценные люди. Они не только нецивилизованны, но и, что очевидно из их внешности, умственно недоразвиты (*they slavered at their mouths, which hung loosely over their receding chins*).

В глазах персонажей-англичан «звериный» облик жителей Уэльса дополняется еще и тем, что они распутны, ведут неупорядоченную половую жизнь. Вот как характеризует их в романе директор школы доктор Фейган:

The ignorant speak of them as Celts, which is of course wholly erroneous. They are of pure Iberian stock... From the earliest times the Welsh have been looked upon as an *unclean people*. It is thus that they have preserved their racial integrity... In Wales there was no need for legislation to prevent *the conquering people* intermarrying with *the conquered* [13, p. 38].

Невежды считают валлийцев кельтами, что совершенно ошибочно. Это самые настоящие иберийцы... Валлийцы же издавна считались *нечистым народом*. Этим и объясняется их относительная этническая целостность... В Уэльсе не было необходимости вводить закон, запрещающий *завоевателям* жениться на *аборигенах* [2, с. 38].

45

Директор школы, доктор философских наук, делает абсурдное заявление о том, что валлийцы не являются кельтами. Здесь же наблюдается затемнение смысла, связанное с оппозицией «чистый — нечистый». В русском сознании она относится скорее к отсутствию — наличию межэтнических браков, то есть чистым («чистокровным») считается тот народ, который не смешивается с другим народом. В данном контексте следует рассматривать «нечистый народ» в значении «неприкасаемый народ», что сигнализирует о рецидивах «кастовости» в сознании англичанина, распространяемой на межнациональные и межкультурные отношения. Шовинистические представления доктора проявляются и в его рассуждениях о том, что англичане — «цивилизованная», развитая нация, завоеватели (*the conquering people*), валлийцы же — некультурный и примитивный завоеванный народ (*the conquered*).

В тех редких случаях, когда англичане про валлийцев хотят сказать что-то хорошее, они обычно восхваляют их как поэтов и певцов, однако даже такой, казалось бы, положительный образ получает в романе резко отрицательную оценку:

'They just sing', he said with disgust, 'sing and blow down wind instruments of plated silver' [13, p. 38].

— Они знают одно — петь, — с *отвращением произнес он*, — *петь и дудеть* в свои так называемые духовые инструменты [2, с. 38].

Данный этностереотипический признак, однако, не отражает действительность, а имеет целью осмеяние и оскорбление этноса-жертвы. «Музыкальный» образ валлийца здесь весьма утрирован. Да, бардовская песня имеет особый статус в культуре Уэльса, недаром его называют «Земля песни», но его культурное богатство этим не ограничивается, достаточно вспомнить валлийские архитектурные традиции [9].

Уничижительное отношение к людям иной культуры базируется не только на этнических, но и на расовых стереотипах; в частности, оно распространяется на образ чернокожего музыканта Себастьяна Чолмондлея (Чоки). Сэм Клаттербак уподобляет африканцев животным, заявляя, что

they have uncontrollable passions... *Animal, you know* [13, p. 45]. — они совершенно не умеют себя сдерживать... *Животные инстинкты*, одним словом [2, с. 45].

46

Чоки не замыкается в мире традиционной джаз-музыки, а интересуется литературой и архитектурой Англии. Если европейцы способны проникнуться джазом, то почему бы африканцу не полюбить, например, английскую культуру и не понять ее лучше, чем в ней разбираются сами англичане? Но ирония ситуации в том, что Чоки на деле неспособен проникнуться чужой культурой и сам дает пищу для высокомерия белых. Он с чувством произносит речь о несчастном и угнетенном черном человеке, совершенно не замечая, что, наделяя свою расу атрибутом детскости и особым артистизмом, он унижает ее в глазах англичан, для которых все это суть доказательства низкого развития негроидной расы.

'My race', said Chokey, 'is essentially an artistic race. We have the child's love of song and colour and the child's natural good taste. All you white folks despise the poor coloured man... You folks all think the coloured man hasn't got a soul. Anything's good enough for the poor coloured man. <...> But all the time that poor coloured man has a soul same as you have. Don't he breathe the same as you?' [13, p. 46].

— Мы ведь все такие артистичные, — продолжал гость. — Как дети, любим петь, любим яркие краски, у нас у всех врожденный вкус. А вы презираете несчастного черного человека... По-вашему, у несчастного черного человека нет души. Плевать вы хотели на несчастного черного человека. <...> Но черный человек и тогда останется таким же человеком, как и вы. Разве он не дышит тем же воздухом?» [2, с. 46].

Словарный запас музыканта не отличается разнообразием — он четыре раза повторяет словосочетание «the poor coloured man». Примечательно, что в оригинале Чоки, называя свою расу, использует широкое понятие «coloured» — «цветной», что может означать любого темнокожего или мулата, то есть выступает в защиту всех угнетаемых людей, страдающих от расовой нетерпимости белых. Чоки говорит на американском варианте английского языка, в котором допускается грамматическая форма «he don't» в отличие от классического английского «he doesn't». В русском переводе эти диалектные особенности речи персонажа не находят отражения.

Текст романа позволяет выделить общие компоненты, характеризующие этностереотипы валлийцев и чернокожих: зооморфные аналогии, обесценивание и маргинализация национального вклада в культуру (песни валлийских бардов, джаз). В обоих случаях «чужим» приписывается «дикое» сексуальное поведение. Валлийцы представлены как «нечистая» нация, а чернокожие испытывают «животные инстинкты». При этом этностереотип валлийца формируется в основном сто-

ронней точкой зрения персонажа-англичанина, а для образа представителя Черного континента более существенным оказывается речевое самовыражение персонажа, проявляющего снобизм в сочетании с идолопоклонством по отношению к Европе.

Итак, отрицательные гетеростереотипы инокультурных персонажей, наблюдаемые в романе «Упадок и разрушение» И. Во, связаны, прежде всего, с этнотипической моделью варварства, основными компонентами которой являются, с одной стороны, дикость и отсталость, а с другой — невежественность, жестокость и агрессия, которые в сознании персонажей-англичан характеризуют чужеземцев. Выявление и описание существующих в литературно-художественном тексте этнических стереотипов помогает проследить их трансформацию не только в творчестве конкретного автора, но и в английской литературной традиции в целом. В перспективе развития темы исследования представляет интерес динамика описанных выше стереотипов в других произведениях И. Во.

47

Список литературы

1. Бердникова И. В. Идеино-философская основа и культурно-художественные контексты ранних романов Ивлина Во : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006.
2. Во И. Упадок и разрушение : роман / пер. с англ. С. Белов, В. Орел. М., 2009.
3. Луков Вл. А. Имагология: тезаурусные расширения // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур. Киров, 2012.
4. Михальская Н. П. Имагология и современная англистика. Английская литература в контексте мирового литературного процесса. Киров, 1996.
5. Ощепков А. Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. №1. С. 251 – 253.
6. Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Сер.: Филологические науки. 2011. №4. С. 31 – 40.
7. Поляков О. Ю. Актуальные проблемы изучения рецепции и репрезентации национальных образов в свете имагологии // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур. Киров, 2012. С. 3 – 14.
8. Поляков О. Ю. Й. Леерссен о репрезентации национальных образов в системе культуры // Знание. Понимание. Умение. 2015. №3. С. 162 – 168.
9. Филипп Ян. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.
10. Хорев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005.
11. Dyserinck H. Imagology and the Problem of Ethnic Identity // Intercultural Studies. 2003. №1. P. 285 – 294.
12. Leerssen J. Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey. Amsterdam, 2007.
13. Waugh Ev. Decline and Fall. Oxford, 2008.

Об авторе

Екатерина Евгеньевна Рябчикова — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: ryabchikova_ekaterina@mail.ru

About the author

Ekaterina Ryabchikova — PhD student, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: ryabchikova_ekaterina@mail.ru